

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Молзинский Владимир Владимирович

СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII

ВЕКА И ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ РОССИИ

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

А в т о р е ф е р а т

Диссертации на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Санкт-Петербург

1997

Работа выполнена на кафедре истории России и зарубежных стран Республиканского гуманитарного института при Санкт-Петербургском государственном университете

Официальные оппоненты: доктор исторических наук

наук А.Н.Цамутали доктор исторических наук

наук Ю.Г.Алексеев доктор исторических наук

наук Д.Н.Альшиц доктор исторических наук

Ведущая организация - Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена

Защита состоится «15» октября 1997 г. в «15» час. на заседании диссертационного совета Д.063.57.11 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук в Санкт-Петербургском государственном университете (199155, пер. Декабристов, д. 16, зал заседаний ученого совета)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. А.М.Горького Санкт-Петербургского государственного университета)

Автореферат разослан « » _____ 1997 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Доктор исторических наук, профессор

А.Я.Лейкин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Вторая половина XVII века связана с зарождением и развитием особой сферы явлений российской истории, получивших впоследствии название старообрядчества. Это религиозно-общественное движение, возникшее под знаменем протеста против церковной реформы патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, уже в изначальной основе было далеко несводимо к вопросам чисто обрядовых разногласий. Глубокое несогласие с вводимыми «новшествами», воспринимаемыми как измена устоям православного вероучения и привычным нормам традиционного церковного устройства, послужило главной в числе исходных причин конфликта, ставшего непреодолимым на протяжении трех последующих столетий.

Русское старообрядчество, оказавшееся сложным и противоречивым явлением, нашло заметное отражение в духовной культуре прошлого, включая литературу, искусство, сферу религиозно-философских учений и прочих областей общественной мысли, в русле которой складывалась система научных знаний об истории его становления.

Однако вопросы целостного осмысления религиозно-общественных движений эпохи раскола в науке, во всем многообразии сложившихся в ней мнений, течений и тенденций, до сих пор не были удостоены специального рассмотрения.

В советское время а priori заданные идеологические схемы ставили ряд барьеров в оценках множества немарксистских концепций раскола, а в дореволюционное - содержательно иные, но по сути, столь же жесткие условия цензурно-политического режима непреклонно сдерживали научную мысль в рамках установок господствующей церкви.

Правда, с начала 60-х годов XIX века начинают публиковаться тексты старообрядческих сочинений, а в предоктябрьское одиннадцатилетие - издаваться труды о расколе, свободные от неукоснительных идеологических задач обоснования неправоты старообрядчества или либерально-примиренческих установок на сосуществование с ним как неизбежным злом, не слишком опасным для устоев государства.

Историки-старообрядцы, получив возможность публикации своих работ, успели создать сферу научно-исследовательской литературы, достойной целостного освещения в науке, но события семнадцатого года воспрепятствовали дальнейшему развитию этой тенденции.

Сосредоточенные в своих замыслах ученые иных школ и направлений также не достигли в дореволюционный период объективно-непредвзятого универсализма, необходимого в целостном рассмотрении научной мысли об истории старообрядческих движений.

Марксистская методология, монополюбно господствующая в отечественной науке советского времени, благоприятствовала лишь анализу социально-классовой стороны исторических явлений, в частности, раскола, оставляя прочие его аспекты не разработанными.

Таким образом, несмотря на обилие материалов по истории старообрядческого движения, нашедших отражение на страницах научно-исторических и литературоведческих трудов, вопрос о сущности церковного раскола XVII века оказался исследованным далеко не полностью, что предопределяет необходимость и актуальность его дальнейшего изучения. Это подтверждается по крайней мере следующими обстоятельствами:

1) не изученностью явлений русского церковного раскола как сферы взаимодействующих факторов церковно-религиозного, социально-политического и духовно-просветительского плана, а также особенностей его отражения в отечественной науке;

2) недостаточной глубиной исследования вопросов формирования исторических первооснов учения «старой веры», религиозно-нравственной сути порожденных им пластов отечественной

культуры, нуждающихся в детальном и всестороннем осмыслении в системе ценностно-значимых компонентов нашего духовного наследия;

3) отсутствием в исторической науке необходимых материалов - результатов непредвзятого, объективно-целостного освещения событий церковного раскола XVII века, свободного от влияния тех или иных политико-идеологических установок;

4) тенденциозностью позиций ряда ученых дореволюционного и советского периодов, препятствующей пониманию истинных причин возникновения раскола, событий его становления как религиозно-общественного движения, как достояния социально-политической истории и неотъемлемого компонента культуры, ее традиционных черт и всего жизненного уклада определенной части русского народа, хранящего устои исконно национальной самобытности;

5) необходимостью специального рассмотрения историографии религиозно-общественных движений раскола XVII века как содержательно-смысловой или, по крайней мере, фактологической основы отражения его событий и явлений во всей системе научных знаний, художественно-исторической деятельности и прочих ценностей культуры, отвечающих понятию духовного наследия.

Хронологические рамки исследования вполне определенно очерчиваются формулировкой темы. Это период ранней истории старообрядчества. Он ограничен, с одной стороны, событиями весны 1653 года, когда предпринятые патриархом Никоном первые шаги церковной реформы вызвали идейное неприятие и противление со стороны бескомпромиссных поборников русской православной традиции, а с другой, - последними годами XVII века, характеризующимися подавлением массовых народных (прежде всего стрелецких и казачьих) выступлений, полностью или во многом обусловленных идеалами «древлеправославной» веры.

Пафос борьбы в силовом противостоянии власти стал отличительной чертой данного полувекowego этапа становления старообрядчества, получившего широкое отражение в различных областях русской общественной мысли о расколе, которая рассматривается в диссертации от истоков до современности.

Состояние вопроса и источниковая база исследования. Обращение к проблеме старообрядчества в отдаленном и недавнем прошлом породило ряд противоречий, столкновений взглядов, обусловленных особенностями сложившихся мировоззренческих установок религиозно-философского, духовно-нравственного и социально-политического порядка. Основным узел споров и взаимонеприятий оказался связанным с проблемой исторических истоков церковного раскола и религиозно-общественных движений, вдохновляемых идеей русской «древлеправославной» традиции. При этом расхождения между ее сторонниками и противниками касались прежде всего вопросов исторической правоты веры, обрядов и церковного устройства.

Объективный ответ на этот вопрос российская наука получила лишь в конце XIX - начале XX века, когда анализ средневековых документов привел наиболее вдумчивых ученых духовно-академического направления, прежде всего Н.Ф.Каптерева и Е.Е.Голубинского, к обоснованному выводу, что русский церковный обряд не являлся следствием недоразумений или неточностей. Он, напротив, нес в себе традиции средневековой Византии - того самого Константинопольского (или Студийского), Устава, что Киевская Русь приняла при св. Владимире и бережно хранила¹. Лишь забвение греками своих древних традиций породило взгляд на русское православие как на «поместное образование» и «уклонение» от того «истинного» ритуала, который был ошибочно принят за исконно христианский². Примат веры над разумом, надежда обрести спасение души и всего мира, заложенная в «дониконовой» традиции русского православия - характерная черта исходных начал движения раскола. Недооценка же этого фактора явилась типичной особенностью историко-аналитических исследований «не старообрядческих» направлений в исторической науке.

¹ Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. - Т. 1. - Сергиев Посад, 1909. - С. 213-214; Голубинский Е.Е. К нашей полемике со старообрядцами. - М., 1905. - С. 45-46.

² Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. - Мюнхен, 1970. - С. 174-175; Никольский Н.М. Реформа Никона и начало раскола // Три века. - Т.2. - М., 1912. - С. 15.

В научно-исторической литературе широко применяются такие термины, как «раскол» и «старообрядчество». Несмотря на их смысловую близость они нуждаются в некоторых уточнениях.

Расколы церковных конфессий, т.е. их разделение неоднократно имели место в мировой церковной истории. В нашем случае рассматривается раскол, явившийся результатом книжно-обрядовой реформы, проведенной в России во второй половине XVII века царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном.

Противников реформы, отстаивающих идеалы «древлеправославной» или «старой» веры, стали именовать «раскольниками». Следует отметить, что «раскольниками» на Руси называли и ранее всех неправославных, а также участников религиозных движений, не признающих авторитета церковной иерархии³. Сами же сторонники «старой веры» называли себя «староверцами» или «верными»⁴, позднее - «старообрядцами», а свою веру - «старообрядческой».

В диссертации предпринята попытка обобщения взглядов исследователей как старообрядческого направления, так и представителей иных школ, начиная от первых «расколоучителей» и их противников до крупнейших и малоизвестных ученых-историков России, внесших значительный вклад в изучение данной проблемы.

Подобный ракурс исследовательского анализа предопределен спецификой материала: основные источники - письменные памятники раннего старообрядчества в массе своей были обнаружены еще во второй половине XIX в. благодаря плодотворной деятельности Д.Е.Кожанчикова, Н.С.Тихонравова, Н.И.Субботина, С.А. Белокурова, П.С.Смирнова, А.К.Бороздина и др.; документальные же материалы, касающиеся первых лет раскола и хранящиеся почти два столетия в архивах, также удостоены места в печатных изданиях, прежде всего (с середины 1830-х годов) в серийных выпусках Археографической комиссии. Отсюда правомерность постановки в основу исследования рассмотрение, по возможности, в с е х опубликованных материалов о расколе, а также построенных на их базе исследовательских трудов, составляющих этапы процесса объективного познания существа старообрядческих движений в России.

Анализ этого процесса, однако, позволяет констатировать наличие ценных, но разрозненных данных, фрагментарно или предельно обобщенно освещающих события церковного раскола. В дореволюционный период реально сложившимися оказываются такие сферы исторического изучения религиозно-общественных движений XVII столетия как старообрядческое, официально-церковное («обличительное» и «научно-исследовательское»), тяготеющая к ней светская и оппозиционная («социально-политическая» и «революционно-демократическая»). В XX веке в их число входит также марксистская версия раскола, оформившись в воззрениях Г.В.Плеханова, она становится как бы идеологическим, ценностно-смысловым стержнем исторических взглядов на движение «старой веры» в трудах советских авторов.

Однако при всей значимости историографических трудов, созданных учеными-историками этих направлений и отражающих поступательное развитие науки, ее идеологических установок и исследовательских методов, реальная разработанность старообрядческой проблематики в российской науке во многом зависит от состояния ее источниковой базы, от изученности текстов старообрядческих сочинений и документов о расколе учеными иных отраслей знаний, прежде всего источниковедения, археографии, текстологии и литературоведения. Именно их достижения сделали достоянием грамотной России письменное наследие старообрядческой культуры.

Обращение к старообрядческим текстам крупнейших исследователей, таких как А.К.Бороздин и В.Г.Дружинин, позволяет говорить о вполне оформившейся ветви русского литературоведения, объективно внесшей вклад в развитие исторической мысли о расколе.

³ Памятники древней письменности. - Т. 108. - СПб., 1895. - С. 10.

⁴ Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. - М., 1986. - С. 3.

Взаимосвязь исторической науки и литературоведения в отношении раскола обнаруживается на протяжении последующих десятилетий, выступая, таким образом, в виде устойчивой тенденции отечественной культуры. Здесь требуют упоминания научные труды исследователей-литературоведов В.И.Мальшева, А.Н.Робинсона, В.Л.Комаровича, Д.С.Лихачева, А.М.Панченко, Е.М.Юхименко, Н.С.Демковой, И.П.Еремина, Н.К.Гудзия, М.Б.Плюхановой, Н.В.Понырко, В.Е.Гусева, А.С.Демина, А.И.Мазунина, А.В.Вознесенского и др.

И все же изучение старообрядчества в его истоках связано прежде всего с деятельностью историков. Особо выделим здесь имя Н.Н.Покровского, многолетними усилиями которого сохранено и опубликовано множество материалов - памятников письменной культуры старообрядчества. Среди исследований российских историков последнего времени заметно выделяется двухтомная монография Б.П.Кутузова «Церковная реформа XVII века, ее истинные причины и цели», где с небывалой остротой и убедительностью отстаивается позиция о содержательной необоснованности «никоновых» нововведений, изначально обусловленных вопросами внешней политики и амбиций первых лиц государства - царя и патриарха. Обращает на себя внимание и вышедшая совсем недавно монография Н.Ю.Бубнова «Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.». Как бы суммируя итоги научных изысканий ученого за несколько предыдущих десятилетий, упомянутый труд представляет собой и продолжение оформившейся в дореволюционный период, но прерванной в своем развитии тенденции систематизированного описания источников раннего старообрядчества.

Наконец, сложность и многоплановость проблемы раскола, стремление к возможной всесторонности ее осмысления делает весьма желательным и необходимым учет взглядов и суждений ученых - представителей русской философской мысли. Среди современных ее проявлений особо выделяются труды А.Ф.Замалеева, Е.А.Овчинниковой и И.Л.Осипова, в которых мы находим лаконично изложенные взгляды исследователей на проблему раскола, отражающие наиболее заметные тенденции русской исторической мысли.

Сопоставление сложившихся в науке взглядов на раскол в трудах ученых, приверженных разным политическим и религиозно-нравственным идеалам, скорее может свидетельствовать о противоборстве мнений в оценках тех или иных граней проблемы, нежели о достаточной разработанности ее в целом.

Анализ состояния вопроса по теме приводит к выводу о необходимости его дальнейшего изучения, на основе объективно-аналитического подхода и целостного рассмотрения всего безгранично широкого спектра мнений, суждений и оценок исследователей религиозно-общественных движений второй половины XVII века.

Содержание настоящей работы и представляет собой попытку такого рассмотрения. Особое внимание в ней уделено письменным памятникам раннего старообрядчества, отражающим историю становления движения «старой веры». Наряду с систематическими (со второй четверти прошлого века) публикациями архивных документов, они рассматриваются как ценнейшие источники в осмыслении содержательного существа зарождающегося течения русского «древлеправославного» традиционализма.

В поле зрения автора оказываются вопросы эволюции старообрядчества в контексте культуры России, системы ее духовных ценностей, включая многогранный спектр научно-исторических знаний, достижений историографии раскола. Всестороннее их рассмотрение составляет чрезвычайно важный аспект целевой направленности исследования, ибо изложение событий и процессов церковного раскола в научно-исторической литературе - это отражение позиции в отношении старообрядчества власти и отдельных социальных слоев российского государства на разных этапах его развития, это концептуальный анализ русской истории от середины XVII века, связанный с пониманием в ней проблемы религиозно-общественных движений старообрядчества.

Все это позволяет сформулировать **научную проблему** настоящего исследования, которая состоит в поиске концепции церковного раскола XVII века, в попытке целостного рассмотрения его первопричин, роли и места порожденных им религиозно-общественных движений старообрядчества в контексте закономерного исторического процесса.

Предметом исследования являются религиозно-общественные движения в России во второй половине XVII века и их отражение в отечественной исторической науке и общественной мысли.

Цели работы заключаются в анализе проблемы истоков, становления и идейно-содержательной основы старообрядческих движений на базе современных научных знаний; в системном подходе к изучению сложившихся тенденций отечественной научной мысли XVII-XX столетий об истории раннего (середины - второй половины XVII века) старообрядчества в России, отражающих динамику процесса его познания как объекта русской историографии церковной и гражданской истории, истории культуры и государственной политики; в стремлении показать значение старообрядчества в ряду имманентных факторов исторического процесса - духовно-просветительского и материально-экономического развития России, а также сохранения специфически национальных черт народной жизни, религиозного сознания, памятников и явлений культуры, предстающих и поныне живым воплощением истории; в анализе исторических суждений и позиций основоположников старообрядчества, современников, очевидцев и участников событий первых десятилетий его формирования, а также взглядов ученых различных школ и направлений на причины возникновения, сущность и роль старообрядчества в российской истории.

Теоретико-методологическую основу исследования составили общенаучный системный, научно-объективный и конкретно-исторический подходы в сочетании с принципами сравнительного анализа в оценках рассматриваемых явлений.

В процессе работы автор неукоснительно придерживался принципов историзма, объективности подхода и приоритетного отношения к фактам и документальным свидетельствам перед системой общепринятых, но порой бездоказательных доводов.

Методология научного познания исторических явлений, в частности старообрядческих движений в России, определяет необходимость всесторонности их исследовательского анализа с опорой на положения работ ученых различных направлений и школ.

Кроме того методологически важным аспектом настоящего исследования является рассмотрение религиозно-общественных движений старообрядчества XVII века в системе социальных теорий и общественной мысли как сферы аккумуляции определенных политических идей.

Таковы ведущие ракурсы подходов к проблеме раскола, составляющие как бы узловые моменты в сравнительном анализе позиций различных направлений, что в значительной мере характеризует основные методологические принципы данного исследования.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые предпринимается попытка всеобъемлющего охвата проблемы отражения религиозно-общественных движений раскола в русской исторической литературе от истоков до наших дней.

Новизна исследования определяется и тем, что анализ причин и идейной сути движения «старой веры», «старого обряда» и «древлеправославной» старины основывается прежде всего на изучении позиций и установок первых старообрядцев, положивших начало зарождающейся ветви научных знаний, несколько опередившей появление исторических оценок раскола в трудах ученых церковно-государственной науки.

К элементам нового относится также рассмотрение достижений русской исторической науки, связанных с исследованием старообрядчества в ряду ценностных явлений культуры, влияющих на многие другие ее компоненты.

Новым оказывается и отношение к необозримо богатому спектру так называемых «оппозиционных» течений в историческом исследовании старообрядчества. Автор выделяет здесь особую значимость славянофильских идей, воззрений Н.И.Костомарова, а также позиции социально-политической школы А.П.Щапова.

Апелляция к расколу как действенному фактору ожидаемой крестьянской революции со стороны А.И.Герцена, Н.П.Огарева и их единомышленников, с одной стороны, и видение в нем лишь мятежно-противогосударственного начала в прошлом в ряду значимых явлений социально-политической истории в трудах А.П.Щапова и его последователей, с другой, - тот непреодолимый водораздел, что отражает, по мнению автора, объективное существо содержательной не идентичности упомянутых концепций. Дифференцированное их рассмотрение, однако, не предпринималось еще в науке, что позволяет еще раз констатировать элементы новизны в решении задач настоящего исследования.

Научно-практическая значимость работы определяется, по мнению автора, возможностью использования ее результатов в дальнейшей разработке вопросов отечественной истории, учебных курсов, пособий и программ ее изучения. Не подвергая сомнению факт самоценности значимости положений фундаментальной исторической науки в целом, подчеркнем также широкий диапазон возможного применения результатов данного исследования в решении прикладных задач изучения прочих областей культуры. Материалы настоящей работы, в частности, могут быть полезны в изучении вопросов отображения образов, событий и процессов ранней истории старообрядчества, идей и религиозно-теоретических основ его учения во всей системе русской гуманитарной мысли.

Структура диссертации: введение, четыре главы, заключение и список использованной литературы.

Апробация. Основные положения диссертации изложены в монографии «Старообрядческое движение второй половины XVII века в русской научно-исторической литературе» и ряде других публикаций автора, докладывались на международных, всероссийских и межвузовских конференциях, в частности: «Духовность России: традиции и современное состояние» (С-ПГАК, 1992), «Ценностный мир русской культуры» (С-ПГАК, 1994), «Россия-Восток, Россия-Запад: диалог культур» (Гос. Эрмитаж, 1994), «Проблема культурного синтеза России» (С-ПГАК, 1995), «Актуальные проблемы современной музыкальной культуры» (Куйбышевский институт культуры, 1989), «Культура. Творчество. Человек» (Самарский институт культуры, 1991), «Санкт-Петербург в истории русской культуры» (С-ПГАК, Русское историко-культурное общество, 1996), «Народы содружества независимых государств накануне третьего тысячелетия: реалии и перспективы» (Международная ассамблея СНГ, 1996), «Персонажи российской истории» (СПбГУ, 1996), «Смыслы культуры» (С-ППУ, 1996), «Культура. Человек. Образование» (МГУ, 1996), «Православие в русской культуре» (С-ПГАК, Русское историко-культурное общество, 1997) и др. Диссертация обсуждена на заседании кафедры Истории России и зарубежных стран Республиканского гуманитарного института при Санкт-Петербургском государственном университете 19 мая 1997 года.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, необходимость ее разработки, оценивается степень изученности проблемы, формулируется научная проблема и предмет данного исследования, его цели, задачи, основные методологические принципы, а также научная новизна и практическая значимость работы.

Первая глава - «Общественно-религиозные движения эпохи церковного раскола в исторической литературе русского старообрядчества» - включает три параграфа: «Историческая мысль старообрядчества второй половины XVII века», «Исторические сочинения авторов-старообрядцев XVIII - начала XIX столетий», «Исторические исследования старообрядческого направления второй половины XIX века, предреволюционных десятилетий и послеоктябрьского зарубежья».

В первом параграфе рассматриваются исторические взгляды основоположников движения «старой веры» и видных участников событий его становления. Отсюда двойственный подход к

материалам данного раздела. С одной стороны, это факт истории русской «расколографии», а с другой, - круг ценнейших источников и документальных свидетельств истории формирования и развития движений старообрядчества в период, соответствующий временному интервалу их научного рассмотрения в данном исследовании. Подчеркивается неправомерность укоренившихся в науке мнений о том, что истоки исторической мысли о расколе следует искать в наследии авторов первой половины - середины XVIII века. Констатируется факт ее зарождения в сочинениях первых участников и идейных вдохновителей движения «старой веры» - Спиридона Потемкина, Ивана Неронова, Аввакума Петрова, Федора Иванова и др. При этом имеются в виду не общеисторические взгляды старообрядцев - основоположников движения (достаточно исследованные в середине прошлого века Александром Б., а в наши дни Н.Ю.Бубновым), а заявленные ими позиции в отношении современных событий церковной реформы и зарождения раскола русского православия.

В диссертации подчеркивается основополагающая роль наследия И.Неронова в становлении исторической ветви письменной культуры старообрядчества. Анализ Нероновым реформ Никона, оценка их значения в жизни церкви и государства в челобитной 1660 г. позволяет рассматривать личность протопопа в ряду первых историков раскола. Исторические суждения Неронова предшествуют появлению таковых в сочинениях сподвижников, в частности, сохранившихся текстов Аввакума, а также авторов господствующего исповедания.

При рассмотрении исторических взглядов первых старообрядцев основное внимание в диссертации было уделено соответствующим положениям Аввакума, изучению которых способствовала масса опубликованных текстов его сочинений, появившихся на страницах печатных изданий с начала 60-х годов прошлого века по настоящее время (условно говоря - от первой публикации «Жития» Н.С.Тихонравовым до современного сборника «Посланий и челобитных», выпущенного А.Ф.Замалеевым), а также основательная разработанность его наследия учеными различных областей науки, прежде всего литературоведения - В.И.Малышевым, А.Н.Робинсоном, А.С.Деминым, М.Б.Плюхановой, Н.С.Демковой и другими. Последняя, в частности, обращает внимание на «Записки Аввакума» - весьма примечательную группу сочинений, представляющих собой «особый тип повествования, возникший в силу тяготения старообрядческой литературы к документальности»⁵. Отмеченная особенность рассматривается в диссертации как весьма существенная, обуславливающая правомерность опоры на содержание старообрядческих памятников письменности как важнейших документально-исторических свидетельств. Своеобразным их эталоном принято считать «Житие».

В диссертации подчеркивается особое значение «Жития» как исторического источника (известного в науке во многих текстовых вариантах⁶), предпринимается попытка осмысления взглядов Аввакума на церковную реформу и деятельность ее ведущих лиц. В понимании происходящего Аввакум предстает глубоко религиозным мыслителем, воспитанным в духе христианской этики. Согласно таковой нещадным обвинениям подвергается Никон и его сторонники, тогда как личность государя, помазанника на царство по законам «древлеправославного» благочестия, не ставится под сомнение как олицетворение святости царской власти.

Вместе с тем отмечается определенная ценность и более ранних сочинений Аввакума в отражении отдельных черт его исторической концепции и методологических принципов исследовательского подхода. К ним относится, в частности, первая челобитная, привлекая в данном аспекте внимание А.С.Демина. Написанная за 8-9- лет до «Жития», она несет в себе описание фактов жизни Аввакума, не связанных с мольбами об облегчении личной участи, но способствующих, по замечанию исследователя, изображению событий того времени как аргумента во спасение церкви и веры⁷. Эти черты позднее (в «Житии») найдут лишь более

⁵ Демкова Н.С. К вопросу об истоках автобиографического повествования в «Житии» Аввакума // ТОДРЛ. - Т.2. - Л.,1965. - С. 229.

⁶ См.: Румянцева В.С. «Житие» протопопа Аввакума как исторический источник. - Автореф. дис. канд. ист. наук. - М.,1971. - С. 4.

⁷ Демин А.С. Для чего Аввакум написал первую челобитную? // ТОДРЛ. - Л.,1968. - С. 233-236

детальное оформление, характеризуя познавательно-историческую значимость наследия Аввакума в его целостности.

Крайним выражением радикализма в культуре раннего старообрядчества расцениваются исторические и религиозно-политические взгляды инока Авраамия. Благодаря ему в старообрядческую литературу входят несвойственные ей ранее отношения к Никону, уже не как «предтечи» антихриста, а к реальному его воплощению, когда «Святая Русь» находится не под угрозой гибели, какую еще можно предотвратить возвратом к старой «древлеправославной» традиции, но уже стала «царством антихриста». Эти мысли Авраамий высказывает в работе, озаглавленной «Вопрос и ответ» (датируется 1670 годом).

Не меньшую ценность в осмыслении исторических взглядов Авраамия имеет сборник «Христианоподобный Щит Веры». Н.И.Субботин аргументированно обосновывает роль Авраамия как составителя и автора большей части разделов, что отвечает положениям современной науки, в частности, заключениям Н.Ю.Бубнова⁸. Особой категоричностью неприятия происходящего проникнут раздел «На проклятый Никонов собор», его начальный и как бы основополагающий тезис: «Слово на низложителей и разорителей церковных, на убийцев и губителей христианского рода и на разрушителей православной веры, на властей темных последнего лютого времени сего»⁹.

Последовательное развитие подобных умозаключений вело, как известно, к порождению крайних течений раскола, представители которых ищут путь спасения в тех или иных формах ухода из того реального мира «неправославной ереси», который в их представлении олицетворяло современное государство.

Большое место в исследовании уделено историческим взглядам дьякона Федора Иванова. Согласно сохранившимся достоверным источникам, в частности, опубликованным в V томе ДАИ, Федор фигурирует в ряду осужденных староверов, наиболее значимых в истории первых лет раскола, непримиримых и не допускающих для себя возможности обрести свободу ценой покаяния¹⁰.

Федор объективно оказывается одним из первых идеологов движения, выступая автором многих дошедших до нас сочинений. Особенно высоко ценятся исследователями старообрядчества его повествования о соборе 1666 года и прочих событиях эпохи раскола¹¹. В ряде случаев Федор выступает соавтором Аввакума¹².

Обращение к текстам самого Федора обнаруживает в его исторических суждениях и подходах облик мыслителя - типичного представителя поколения основоположников движения. В его наследии мы находим те же факты, что и у соиздателей, в частности, у Аввакума. При этом в высказываниях, содержащих как бы общее «видение» исторического момента, Федор далеко не так радикален, как, скажем, Авраамий или Ефрем Потемкин. Воцарение антихриста в России для него - перспектива, а не современная реальность¹³.

В целом же в диссертации отмечается широкое отражение богословско-исторических суждений Федора в науке прошлого (со второй половины XIX века) и настоящего - в трудах, опирающихся на всю широту современной источниковой базы.

В обзоре исторических сочинений раннего старообрядчества определенное внимание уделено «Житию боярыни Морозовой, княгини Урусовой и Марьи Даниловой», особенностям его вхождения в мир актуально-значимых ценностей отечественной культуры.

⁸ Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. - СПб.,1995. - С. 139.

⁹ Субботин Н.И. Материалы для истории раскола. - Т.7. - М.,1885. - С. 85.

¹⁰ Дополнения к актам историческим. - Т.5. - СПб.,1855. - С. 451-452.

¹¹ Плеханова М.Б. Пустозерская проза. - М.,1989. - С. 355.

¹² Поньрко Н.В. Дьякон Федор - соавтор протопопа Аввакума // ТОДРЛ. - Т.31. - Л.,1976. - С. 362-363.

¹³ Субботин Н.И. Материалы для истории раскола. - Т.6. - М.,1881. - С.264.

Всесторонний историографический, культурологический и текстологический анализ источника, предпринятый А.И.Мазуниным на основе достижений дореволюционной и советской науки 1970-х годов и всех открытых к этому времени его текстовых вариантов и соответствующих документов, позволяет определенно говорить о нем как произведении неизвестного автора-старообрядца последней четверти XVII века¹⁴.

В диссертации освещены основные моменты в системе исторических воззрений Епифания - пустозерского узника, одного из самых авторитетных отцов движения «староправославной» веры. Немногочисленные исследования его сочинений и упоминания в историографических обзорах старообрядческой литературы, между тем, емко отражают определяющие черты его историко-мировоззренческих позиций и методов изложения неординарных, нестереотипных для исторических повествований сподвижников-современников. «Житие» Епифания, как и ранее написанная автобиографическая «Записка», несут в себе описание фактов истории первых лет раскола, в основном связанных с эпизодами его жизни. Справедливой представляется оценка С.А.Зеньковского, склонного видеть здесь «исповедь» - «искреннее высказывание пережитого душевного кризиса», предвещающее те «позднейшие раскрытия русской души», которые только через два века были доведены до совершенства в творениях Достоевского¹⁵. Вместе с тем подход к описываемым фактам и явлениям сквозь призму внутренних переживаний, составляющих область «психологического чувства», позволяет увидеть в Епифании предшественника не только Ф.М.Достоевского, но и В.О.Ключевского.

особую значимость в чреде рассматриваемых работ второй половины XVII века имеет «История о вере и челобитная о стрельцах» Саввы Романова, повествующая о событиях стрелецкого бунта 1682 года в Москве, так называемой «Хованщины». Это уже несомненно научный трактат. Написанный активным участником событий, он играет роль важнейшего документа. Избранный автором метод описания происходящего дает право видеть в этом сочинении подлинно исторический труд старообрядческого направления. До широкого читателя он доходит, как известно, в 1860-е годы, в переизложении Александра Б., а затем, благодаря опубликованию всего текста в ряде изданий, в частности, в V томе Летописей русской литературы и древностей.

В понимании Саввы Романова идея возврата к «старой вере» не была привнесена в стрелецкую среду «извне», но исходила из самой народной массы. Стрелецкий бунт изображался им народным движением, изначально сплоченным религиозной идеей «древлеправославной» старины.

Исторические взгляды первых старообрядцев (от Ивана Неронова до Саввы Романова), представленные в системном обзоре, заставляют признать вторую половину XVII века временем становления исторической мысли старообрядческого направления.

Второй параграф посвящен историческим взглядам авторов-старообрядцев XVIII - начала XIX столетий. Данный период отмечен созданием ценностей старообрядческой культуры, которые принято считать высшими ее достижениями в сфере исторических изысканий о событиях, образах и религиозно-нравственных основах раннего старообрядчества. В первую очередь это касается сочинений Семена Денисова и Ивана Филиппова, а в определенной мере и других авторов Выговской литературной школы, признаваемых первыми «историками» или даже «историографами» раскола¹⁶. В этом есть доля преувеличения, ибо, как было показано в предыдущем параграфе - первыми все-таки были основоположники движения «старой веры», чьи сочинения относятся к рубежу 50-60-х годов XVII века.

¹⁴ Мазунин А.И. Повесть о боярыне Морозовой. - Л., 1979. - С.76-77, 62.

¹⁵ Зеньковский С.А. Житие духовидца Епифания // Возрождение. - Париж, 1966. - № 173. - С. 86.

¹⁶ Андреев В.В. Раскол и его место в русской народной истории. - М., 1870. - С.80; Ключевский В.О. Очерки и речи. - Сб. 2. - Пг., 1918. - С. 415.

Отмечается, однако, столь существенная особенность нового периода, как снижение документально-исторической значимости создаваемых в нем произведений и, вместе с тем, активное формирование и развитие принципов научно-исследовательского анализа.

В диссертации подчеркивается неоспоримое, но обычно недооцениваемое в науке место «Поморских ответов» А.Денисова как сочинения, имеющего огромный познавательный смысл в изучении исторических позиций авторов-старообрядцев XVIII столетия.

«Поморские ответы» в своей композиционной целостности не являются историческим трактатом. Скорее это религиозно-философский труд. Но сама историософичность проблемы раскола требовала уточнения ряда моментов исторического плана. В ряду таковых вопрос о первопричинах, вызвавших к жизни непримиримое движение противореформенного протеста, консолидируемое на основе религиозной идеи. А.Денисов определяет их как реакцию определенной части духовенства и народа на репрессивные акты власти. Такой взгляд впоследствии в том или ином виде обнаруживался в воззрениях многих исследователей, исповедующих порой несопоставимые общественно-политические и религиозные убеждения. В их ряду И.П.Васильев, Н.И.Костомаров, А.П.Щапов, В.В.Андреев, В.И.Фармаковский, И.И.Юзов, П.И.Мельников-Печерский, П.Н.Милюков и другие. Но, по-видимому, именно А.Денисов поставил этот вопрос впервые в своих «Поморских ответах», где четко сформулировано понимание никоновской реформы как рубежа, прерывающего естественный ход истории.

Достойным исследовательского анализа оказывается сочинение, вошедшее в историю науки как «Житие Корнилия». В нем повествуется о распространении «старой веры» в Поморье, о зарождении Выговской кинонии и других его духовных центров, о деятельности знаменитого сподвижника Корнилия - игумена Досифея.

В обращении к «Винограду российскому», «Истории об отцах и страдальцах соловецких» С.Денисова, «Истории Выговской старообрядческой пустыни» И.Филиппова - высшим и наиболее признанным вершинам письменного наследия историков-старообрядцев XVIII века, диссертант опирается на достижения современной исторической науки и литературоведения. Проведенный анализ указанных сочинений и их оценок учеными позволяет утверждать, что наследие выговских авторов существенно обогатило базу исторических знаний и воззрений старообрядчества, до которых объективно не могли прийти основоположники движения. В новых условиях, по прошествии десятилетий после раскола, по мере того, как очевидной становилась необратимость совершенного переворота в церковной жизни, консервативное по сути своих установок старообрядчество, неумолимо подходило к идее переоценки теоретических основ учения. В воззрениях старообрядцев намечается новый ракурс решения проблемы осмысления последующего хода исторического развития: царством Антихриста рассматривается уже не вся Русь, а лишь никонианская церковь, тогда как старообрядчество, сохранившее дух истинной веры, оставалось оплотом православия и субъектом истории¹⁷.

Другим важнейшим элементом рассматриваемой историко-мировоззренческой системы представляется убежденность старообрядцев Выговской пустыни в своем праве наследования традиций Соловецкой обители, а с ней и идеалов «Святой Руси»¹⁸.

Однако упомянутые работы братьев Денисовых и И.Филиппова оказались кульминацией в развитии исторической школы старообрядчества, за которой последовал спад. Как отмечал В.П.Рябушинский, по мере ослабления гонений власти основная идея беспоповства - стояния за

¹⁷ Гурьянова Н.С., Крамми Р.О. Историческая схема в сочинениях писателей выговской литературной школы // Старообрядчество в России. - М., 1994. - С. 126.

¹⁸ Юхименко Е.М. «История об отцах и страдальцах соловецких» С.Денисова...// Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений... - Новосибирск, 1992. - С. 108.

веру перед «осквернителями русской земли» - начала тускнеть, а «новой большой цели... не оказалось»¹⁹.

«Каталог» и «Исторический словарь» П.Любопытного в ряду немногих трудов конца XVIII - первой четверти XIX века выглядят своеобразным итогом в развитии научной мысли старообрядчества периода петровских преобразований - начала правления Николая I. Годы царствования последнего, в силу целенаправленно проводимых государством репрессивно-погромных актов в отношении старообрядцев, оказались как бы водоразделом между достижениями старообрядческой исторической мысли «века Просвещения» и новым этапом ее развития с середины 1850-х годов.

Содержание третьего параграфа охватывает период от либеральных актов правительства Александра II до появления исторических исследований старообрядческого направления предреволюционной поры и послеоктябрьского зарубежья. Несмотря на то, что указанный период составляет более чем полувековой временной интервал, активная деятельность ученых старообрядческого направления в силу цензурно-политических причин могла осуществляться лишь в весьма короткие промежутки времени. В XIX веке - это примерно 1857-1864 годы, когда принятые правительством либеральные законы открывали возможность публикации старообрядческих сочинений и изложения в печати мнений, не связанный непременно с задачами их негативного толкования. С 1864 года всевластие духовной цензуры начало вновь пресекать всякую возможность выхода в свет трудов о расколе без предварительного их рассмотрения Синодом, а текстов старообрядческих сочинений прошлого - без основательного разбора и комментариев соответствующей направленности²⁰. В XX веке - предоктябрьские одиннадцать лет, отмеченные снятием законодательными актами 1905-1906 гг. многих ограничений социально-политических прав старообрядцев. События 1917 г., как известно, поставили старообрядческий вопрос в разряд периферийных, а интерпретацию истории на единый и незыблемый фундамент марксистской социально-классовой методологии. В результате, старообрядческое направление в изучении своей ранней истории получает развитие лишь в немногих работах исследователей-эмигрантов.

Суммирование фактов, характеризующих особенности вхождения исторических сочинений и исследований авторов-старообрядцев в пласт широко доступных ценностей отечественной культуры, позволяет отметить, что памятники истории церковного раскола XVII века начали публиковаться в России с 1860-х годов, тогда как научные труды - только с 1906 года.

Однако изыскания историков-старообрядцев активно велись за пределами России, прежде всего, на австрийской территории. Характерным примером здесь служит «Краткая история старообрядческой церкви», написанная в 1859 году И.П.Васильевым (изд. в России только в 1907 г.). Затрагивая вопросы происхождения движения «старой веры», историк следует традиционному для старообрядцев объяснению первопричин неприятия никоновской реформы допущенными в ходе ее неточностями. Показательно и другое - явно идущее от постулатов выговской школы понимание всей последующей (после никоновых «новин») истории только как истории сторонников «истинной», «древлеправославной» веры.

К уникальным примерам публикации исторических сочинений явно выраженной противогосударственно-церковной направленности в России 1880-х годов относятся «Исторические исследования, служащие к оправданию старообрядцев» В.М.Карловича. Раскол рассматривается им как естественный протест на никонову реформу, приведшую к разрыву между народом и церковной иерархией, которая фиктивно стала представлять собою церковь.

Основная масса легальных изданий историков-старообрядцев появляется после законодательных актов 1905-1906 гг., ознаменовавших, в частности, снятие цензурных запретов на выражение идей «старой» веры в печати. В диссертации рассматриваются такие работы этого

¹⁹ Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. - Москва - Иерусалим, 1994. - С.84-86.

²⁰ Смирнов П.С. История русского раскола старообрядчества. - СПб., 1895. - С. 235.

времени, как: «История старообрядчества всех согласий» И.К.Быковского, «Философия истории старообрядчества» В.Г.Сенатова, «Правда старой веры» И.А.Кириллова, «К вопросу о причинах разделения русской церкви», «Очерк истории старообрядчества от Никона до наших дней» В.Е.Макарова и др. Отмечается относительная общность оценок первопричин раскола, но вместе с тем существенные различия политико-мировоззренческих позиций историков-старообрядцев предреволюционной поры, несопоставимая разница масштабов их дарования, содержания и уровней предлагаемых ими концептуальных подходов.

В рамках настоящего исследования особый интерес представляет упомянутая выше работа В.Г.Сенатова. В ней впервые в открытом издании предпринимается попытка осмысления точек зрения ученых XIX века на явление русского старообрядчества с позиции его сторонника. Характерно проявление укоренившейся впоследствии общей тенденции старообрядческой мысли, отличающейся неуважительным отношением к достоянию своего научно-исторического наследия. Так В.Г.Сенатов признает истоком научного изучения старообрядчества труды А.П.Щапова, сводя при этом весь спектр рассмотрения гражданской исторической науки о расколе к созданной им (А.П.Щаповым) «народнической» школе, не учитывая вклада в нее «первоучителей» движения. Вместе с тем в своем изложении идейных основ старообрядчества он как бы отражает умонастроения наиболее интеллектуальной его части начала века. Ученый видит в нем не просто религиозное течение или движение противогосударственного протеста, но прежде всего особый мир, своеобразный тип культуры и фактор народного просвещения.

Подобные особенности оказались всесторонне разработанными И.А.Кирилловым в монографии «Правда старой веры». Для Кириллова предметом изучения становится уже не просто анализ истоков старообрядчества, не его место и роль в системе общественных движений ушедших эпох, но прежде всего - его значение в духовной культуре и политической жизни недавнего прошлого.

Благодаря И.А.Кириллову историческая школа старообрядчества обогащается глубоким пониманием политического элемента в истоках раскола и движения противореформенного протеста, что игнорировалось или недооценивалось в его письменной культуре двух предшествующих столетий. В лице И.А.Кириллова она смыкается со светской и духовно-академической историографией раскола, как бы закладывая основы традиции своеобразного синтеза сложившихся направлений современной научной мысли о расколе, ориентированной на всестороннее изучение исторических и идейно-религиозных основ движения «старой веры».

Но эпоха социальных бурь и потрясений, чем стали годы революции и гражданской войны, внесли свои «коррективы» в процессы реализации наметившихся тенденций.

Старообрядческая мысль в послереволюционный период имеет немногочисленные отголоски лишь за пределами государства в трудах историков-эмигрантов. Что касается религиозно-общественных движений эпохи раскола, то особый интерес представляют отдельные положения работ В.П.Рябушинского и наследие С.А.Зеньковского.

Взгляды В.П.Рябушинского как историка старообрядчества оказываются всесторонне раскрытыми в монографии 1930 года «Старообрядчество и русское религиозное чувство», которая предстала перед современным читателем в новом издании его исследований, объединенных указанным заголовком.

В создании целостно-исторической картины эволюции староверия как религиозного течения от истоков до современности В.П.Рябушинский дает обобщение событий первых десятилетий его формирования. В описании протекающих в них процессов В.П.Рябушинский последовательно выявляет общую тенденцию российской истории, в русле которой определяющей чертой оказывается утрата господствующей церковью авторитета в народе и как следствие этого - отход русского общества от религии. Лишь старообрядчество, в оценке исследователя, сохраняет себя в народе как традиция и олицетворение идеи «древнего русского благочестия».

Таков обобщенно-аналитический метод В.П.Рябушинского, обогащающий науку неожиданно свежим (во второй четверти двадцатого века) взглядом на религиозно-исторические процессы прошлого.

Совершенно особое местоположение в исторической науке России занимает наследие выдающегося историка старообрядческого направления С.А.Зеньковского. Это подтверждается содержанием его работ о расколе. Ведущий труд ученого - «Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века» - без большого преувеличения может быть назван энциклопедическим собранием положений русской исторической мысли о расколе.

С.А.Зеньковский стремится как можно более детально определить корни конфликта середины XVII века, проследить нарастание напряжения между государственно-церковной властью и сторонниками «старой» православной традиции, выяснить связь между дониконовыми религиозными движениями и тенденциями идейной эволюции старообрядчества.

Суждения ученого по вопросам истории старообрядческого движения XVII века представляются в основном убедительными, проникнутыми подлинным стремлением к постижению истинной природы рассматриваемых процессов, событий, явлений. Таковы его высказывания о личности Ивана Неронова как первого лидера движения противореформенной оппозиции, челобитная которого 1660 г. (упомянутая выше) оценивается С.А.Зеньковским как проявление уже вполне сложившейся старообрядческой мысли; пристальное внимание к личности и духовному наследию Спиридона Потемкина, которому свойственен весьма не характерный для церковных авторитетов и раскольников XVII века научный подход, свободный от личных амбиций и нападок на конкретные «персоналии»; оценка исторической роли в становлении старообрядчества Аввакума, игумена Феоктиста, попа Никиты (Добрынина), дьякона Федора, инока Авраамия и др.; понимание значимости Пустозерска периода пребывания в нем Аввакума, Федора, Епифания, Лазаря и Никифора как духовного центра старообрядчества; интерпретация событий Соловецкого восстания, его первопричин и идеологических основ; анализ состояния раскола этого времени в Москве, включая деятельность Ф.Морозовой, Авраамия, а затем событий «Хованщины» и последующего распространения движения по России и т.п.

В диссертации подчеркивается незаурядная роль С.А.Зеньковского в истории отечественной научной мысли о расколе, обретающей в его лице одну из наиболее значимых вершин. Это касается как хронологии развития старообрядческой концепции раскола, так и существа глубочайших обобщений проблем формирования движений «старой веры» в России второй половины XVII века.

Вторая глава - «Церковный раскол в духовно-академической и светской исторической литературе» - содержит три параграфа: «Обличительные» тенденции в работах иерархов и историков государственной церкви»; «Научно-исследовательские труды о расколе историков духовно-академической школы»; «Церковный раскол в трудах историков государственно-православной ориентации».

В первом параграфе рассматриваются вопросы отражения взглядов историков государственной церкви, ориентированных на вопросы обоснования политики борьбы с расколом, «обличением» его как еретического неповиновения власти, в частности, церковной иерархии. Данная тенденция в суммарном определении представляет собой олицетворение идеологических позиций непримиримых противников старообрядчества.

Распространенное в советской исследовательской литературе мнение о дореволюционной науке «неревлюционнно-демократических» направлений, как сосредоточенных лишь на «несущественных» обрядовых сторонах раскола, глубоко ошибочно. Именно церковные иерархи и ученые, позднее и светские историки, увидели в расколе (старообрядчестве) сплоченное религиозной идеей народное движение противогосударственного протеста.

Таковы рассматриваемые в диссертации позиции патриарха Иоакима, Афанасия Холмогорского, Игнатия Тобольского. Столь же недвусмысленны в отношении к «староверию» как проявлению ереси, невежества и упрямой приверженности старине, полемические сочинения начального периода противоборства господствующей церкви с только что зарождающимся старообрядчеством - «Жезл правления» С.Полоцкого, «Увет духовный» А.Холмогорского, сочинения Ю.Крижанича о соловецкой челобитной, разбор Паисием Лигаридом челобитной Никиты и др. На их положениях основывался Д.Ростовский в своем «Розыске о раскольничьей брынской вере» (1709 г.), которому принято отводить особое место в становлении

«обличительной» тенденции официально-церковной мысли. Ее традиции получили продолжение в трудах второй половины XVIII века - П.И.Богдановича («Полное историческое известие о раскольниках»), А.И.Журавлева («Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках...»), начала XIX века - «Краткой церковной российской истории» митрополита Платона (Левшина) и др., найдя в 1850-е годы свое «классическое» выражение в «Истории русского раскола, известного под именем старообрядчества» митрополита Макария (Булгакова).

Изложенное в этом трактате упрощенческое понимание первопричин раскола оскорбленным самолюбием «невежественных» русских «справщиков», якобы отстраненных Никоном от дел книжного исправления, будучи опровергнутым еще учеными XIX века (и что позднее было отчасти признано справедливым самим Макарием) нашло, тем не менее, обильные всходы в «обличительной» ветви российской государственно-православной науки вплоть до последних ее проявлений в предреволюционные годы. Наиболее заметным отражением этого в 60-е годы выступают исследования И.Ф.Нильского («Несколько слов о происхождении раскола» и др.), в 80-е - Н.И.Ивановского (прежде всего его «Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола»), а позднее, - позиции В.З.Белоликова, изложенные в «Историческом критическом обзоре существующих мнений о происхождении, сущности и значении раскола старообрядчества», опубликованном в «Трудах Киевской духовной академии» за 1912-1913 гг.

Вместе с тем в рамках «обличительной» ветви научно-исторических знаний зреют ростки нового, нацеленного на всесторонность анализа первооснов конфликта. Одним из ранних примеров такого подхода являются воззрения В.Огнева - малоизвестного автора, который в статье «Несколько слов о происхождении раскола», опубликованной в 1861 году на страницах «Православного обозрения», пытался обосновать свое понимание раскола как следствия идейных разногласий, предопределивших неприятие староверами реформы, как измены православию в пользу латинства. Тогда же (в 60-е годы) аналогичное толкование проблемы мы находим в статьях И.М.Добротворского и Н.М.Благовещенского в «Православном обозрении» и «Трудах Киевской духовной академии».

Наконец, глубиной исследовательского замысла выделяются работы П.С.Смирнова. Опираясь на целый ряд источников историк в «Истории русского раскола старообрядчества» приводит имена иосифовых «справщиков» - Иосифа Наседки и Савватия, а отнюдь не первых «расколоучителей». Тем самым он изначально снимает проблему их причастности к книжным исправлениям, а следовательно, и примитивно-личностную трактовку возникновения раскола, дает глубокий анализ всего спектра научной литературы о нем.

Изданная на рубеже веков (в 1898 г.) монография П.С.Смирнова «Внутренние вопросы в расколе» как бы «замыкает» церковную мысль XIX века о расколе, представляя собой попытку создания исторического исследования первых лет раскола по всем открытым к тому времени документам.

Труды П.С.Смирнова оказались выражением того лучшего, что было достигнуто в сфере «обличительной» литературы господствующего православия. В целом же ученые этого направления, сохраняя приверженность идеологическим схемам синодальной церкви, имеющие доступ к архивно-документальным материалам, возможность публикации своих работ и основательную базу образовательной духовно-академической подготовки - существенно обогатили науку разработкой многих аспектов истории старообрядчества. Кроме того объективный поиск содержательной сути проблемы раскола привел некоторых церковных историков к преодолению «заданных» идеологических установок и видению первооснов движения «древлеправославной» старины в его исторической обусловленности.

Понимание старообрядчества как закономерного явления отечественной истории отличает группу работ, составивших направление исторической науки духовно-академической школы, именуемое в диссертации «научно-исследовательским». Его освещению посвящен второй параграф данной главы.

Традиция научно-исследовательского подхода к расколу в духовно-академической науке получает свое всестороннее оформление и масштабное выражение в двухтомной монографии

Н.Ф.Каптерева «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович» (1909-1912 гг.). Особую значимость для российской науки имела четко заявленная в ней и документально-обоснованная позиция Н.Ф.Каптерева о глубоких корнях «дониконовой» традиции русского церковного обряда, пришедшего на Русь из Византии при св. Владимире, что в сущности, доказывало историческую правоту старообрядчества и идейных первооснов движения.

Данный труд, однако, явился лишь обобщающим итогом многолетних изысканий ученого, среди которых особую, основополагающую роль в формировании выделенного в диссертации научно-исследовательского направления церковно-государственной школы сыграла его работа «Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов». Вышедшая в свет в 1887 году, она сыграла роль подлинного переворота в науке, ибо основанные на документах выводы Н.Ф.Каптерева раскрывали несостоятельность господствующего тогда взгляда на русское православие до никоновой реформы как на поместное образование, возникшее на почве национальной духовности. Неверной оказывалась и широко принятая в «церковно-обличительной» науке версия о причинах раскола в личностных обидах на Никона отстраненных им от дел книжного исправления основоположников движения «старой веры».

Доводы Н.Ф.Каптерева, основанные на глубоком изучении источников истории церкви, неоразрешимо доказывали, что первые раскольники не могли иметь причастности к правке книг при патриархе Иосифе и быть, следовательно, отстраненными от этой работы, ибо вообще не находились тогда в Москве. Русский же церковный обряд середины XVII века не соответствовал современному греческому, так как нес в себе традиции средневековой Византии, утраченной самими греками. Таким образом, расхождения староверов с Никоном расценивались ученым как продиктованные отнюдь не личностными, но содержательными, религиозно-нравственными мотивами, продиктованными верностью историческим «древлеправославным» традициям Московской, Киевской Руси и средневековой Византии.

Направление, заложенное Н.Ф.Каптеревым, нашло развитие в недрах духовно-академической науки. Примерами тому могут служить работы Е.Е.Голубинского («К нашей полемике со старообрядцами»), И.М.Громогласова («О сущности и причинах русского раскола так называемого старообрядчества») и др.

В третьем параграфе рассматриваются положения о расколе гражданской исторической науки государственно-православной ориентации, разработанные в трудах К.Д.Кавелина, Б.Н.Чичерина, С.М.Соловьева, Н.Г.Устрялова, М.П.Погодина, П.И.Мельникова (Печерского), М.Д.Хмырова, И.Е.Забелина, Д.И.Иловайского, А.С.Лаппо-Данилевского, А.Л.Гейдена, В.Г.Дружинина, А.К.Бороздина, В.А.Мякотина, В.О.Ключевского, П.Н.Милюкова, А.А.Кизеветтера, С.Ф.Платонова и др.

Наиболее ранним монографическим исследованием - образцом светской научной литературы принято считать «Раскол, обличаемый своею историею» А.Н.Муравьева. Монография интересна не только своим содержанием, но и тем, что была издана III отделением С.Е.И.В.К., т.е. органом сугубо силовым, репрессивным. Более того, опубликование ее без подписи автора означало признание изложенных в ней положений данной структурой власти, что свидетельствовало об интересе последней к вопросам раскола, а это, в свою очередь, безусловно стимулировало развитие научно-исторической мысли в данной области.

Можно предположить, что подобные обстоятельства способствовали формированию интереса к старообрядчеству у П.И.Мельникова-Печерского, вызвавшего к жизни его литературные произведения и исторические труды - «Очерки поповщины», «Письма о расколе» и др.; выходу в свет «Дела патриарха Никона» Н.А.Гиббенета (изд. МВД).

Кроме того еще в XVIII столетии интересные суждения о расколе высказал екатерининский сановник и известный историк своего времени М.М.Щербатов. В неизданном сочинении «О статистике в рассуждении России» (по материалам «Тайной канцелярии дел» из архива Петра Великого) он пишет об обнаружении им «множества злоумышлений» против царя и государства со стороны раскола, признавая раскол грозной силой, влияющей на половину «подлого народа».

Следовательно, широко распространенная точка зрения о зарождении научного изучения раскола в середине XIX столетия выглядит несколько условно. И все же основная масса материалов о расколе появляется именно с середины - второй половины прошлого века.

Позиция «официальной» России и того самого «образованного общества», что в исторической литературе предреволюционного старообрядчества справедливо именуется «западническим», при минимально допустимой условности четко укладывается в «прокрустово ложе» так называемой «государственной школы». Ее представители, придерживаясь общепринятых установок самодержавно-централизованной государственности, отводили в своих трудах скромное место расколу, видели в нем олицетворение элементов старого, отживающего и стоящего преградой на пути жизненно необходимых преобразований и включения России в культурно-исторический процесс европейской цивилизации.

Такова, в частности, позиция крупнейшего из них - С.М.Соловьева, изложенная в работе «История России с древнейших времен». «Старая вера» в его концепции предстает явлением культуры России, стоящим поперек западным влияниям, а потому негативным, продиктованным лишь оскорбленным самолюбием «невежественных» русских «исправителей» книг. С.М.Соловьев даже не пытается аргументировать свою позицию, ибо в момент работы над книгой она была единственной и общепринятой в светской и духовно-академической науке.

В целом же «историки-государственники» в осмыслении исторической сути старообрядчества нигде не выходят за рамки «обличительных» тенденций духовно-академической науки. Подобные подходы, своеобразно претворенные и развитые в контексте исследования различных аспектов и явлений отечественной истории, нашли отражение в концепциях раскола или отдельных высказываниях о нем С.Ф.Платонова, А.А.Кизеветтера, Д.И.Иловайского, А.С.Лаппо-Данилевского, И.Е.Забелина, а также крупнейших историков России конца XIX - начала XX веков - В.О.Ключевского и П.Н.Милюкова.

В.О.Ключевский в своем взгляде на русскую историю XVII века оценивает раскол как фактор преломления западных веяний. Всесторонне эта позиция отражена в статье «Западные влияния и церковный раскол в России XVII века».

Иная грань проблемы затрагивается им в «Курсе русской истории», где ученый рассматривает раскол как явление, едва ли не благоприятствующее усилению инациональных ориентаций руководителей «преобразовательного движения», ибо раскол по В.О.Ключевскому, «уронил авторитет старины, подняв во имя ее мятеж против церкви, а по связи с ней и против государства»²¹.

Много места расколу отведено в «Очерках по истории русской культуры» П.Н.Милюкова. Следуя в русле тех же традиций ученый оперирует как данностью, фактом объективной необходимости западных влияний. Он вообще не склонен оценивать движение «старой» веры в ряду действенных факторов общественного развития, сводя весь огромный спектр проблем старообрядчества к трактовке его как чисто религиозного движения. Историк, по-видимому, впервые в российской науке предпринимает попытку методичного и системного обоснования принципиальной несовместимости старообрядческих движений с идеей социального протеста. Традиционно, вместе с тем, понимание старообрядчества, его роли в отечественной истории как противодействия «официально победившим» в конечном итоге «иноземно критическим» элементам.

Отсутствие монументальных исследований раскола отличает и наследие историков - поборников идей так называемой «официальной народности». Лишь фрагменты монографий и статей содержат отдельные высказывания по данной проблеме, обнаруживающие абсолютную приверженность идеалам господствующего православия и видение событий раскола в разряде малозначительных подробностей.

²¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. - Т. 3. - М., 1908. - С. 299.

В первую очередь такой угол зрения характерен для концепции отечественно-исторического процесса, запечатленной в «Русской истории» Н.Г.Устрялова. В объяснении причин возникновения раскола (по сути, старообрядческого протеста) его взгляды смыкаются с позициями «обличительной» мысли, а также историков государственной школы. Это личная ненависть к Никону «прежних издателей книг», недовольство привлечением к обрядовым исправлениям иноземцев, а также излишняя суровость принимаемых репрессивных мер. В «Истории царствования Петра Великого» к этим причинам добавляется еще одна, тоже лежащая в рамках «обличительно-государственных» воззрений - «простодушие» (надо понимать, невежество) русских людей, неспособных понять значение никоновых замыслов.

Заметный интерес к расколу XVII века проявляет М.П.Погодин - наиболее видный представитель направления «официальной народности». Лишь одной гранью своего творчества ученый касается проблемы раскола - той, что связана с историей стрельецких бунтов, прежде всего событий «Хованщины». Данный сюжет оказывается обстоятельно разработанным в статье «Раскольники в управление царевны Софьи и князя Хованские». В Описании происходящего - выражение вполне определенных мировоззренческих установок историка. Главная из них, пронизывающая всю работу - предопределенность всего происходящего замыслами раскольников. Согласно такому взгляду, вожди раскола - зачинщики событий, пытающиеся (и успешно) привлечь на свою сторону стрельцов. Подобное видение проблемы раскрывает отношение М.П.Погодина к старообрядчеству как явлению социально-политической истории, что мало свойственно приверженным власти течениям российской науки.

В обзоре наиболее заметных проявлений гражданской научной мысли о расколе почетное место следует отнести незаслуженно забытому имени М.Д.Хмырова - одного из наиболее вдумчивых, на наш взгляд, исследователей раскола. Именно М.Д.Хмыров в статье «Стрельцы и первый стрельцкий бунт с раскольничьим мятежом» (помещенной в 1863 году в журнале «Северное сияние») как никто определенно, напрямую связывает реальные неудовольствия стрельцов, в канун упомянутых событий, с известиями о сожжении в Пустозерске Аввакума и его союзников, способствующими накалу мятежных настроений. Кроме того практически никто из историков, кроме Саввы Романова - старовера, участника событий, не доходил до предположения об идее «старой веры» как истинной первопричины происходящего.

Новые особенности в историографии раскола отчетливо намечаются в последней четверти XIX века, получая широкое развитие в исследованиях двух предреволюционных десятилетий. Ведущей чертой этого периода представляется сближение и взаимовлияние всех тенденций исследовательской мысли о расколе в ее лучших выражениях, а на этом фоне - появление фундаментальных трудов, основательно раскрывающих отдельно взятые процессы русской истории раскола. Так примерно в одно время выходят в свет упомянутые труды церковных авторов - И.Я.Сырцова о Соловецком восстании, Н.Ф.Каптерева о содержательных первопричинах раскола, а также светских ученых, в частности, А.Л.Гейдена и В.Г.Дружинина, предложивших новаторские подходы к ряду проблем развития раскола в первые десятилетия его существования в Москве и на Дону, наконец, чуть позднее - А.К.Бороздина.

Будучи светским автором-литературоведом и критиком, по содержанию и общей направленности своих работ А.К.Бороздин обнаруживает приверженность традициям научно-исследовательской ветви духовно-академического направления русской мысли о расколе. Более того, в трудах А.К.Бороздина эта традиция, заложенная Н.Ф.Каптеревым, развитая Е.Е.Голубинским и И.М.Громогласовым и др., сосуществует с тенденцией обличительно-непримиримого фундаментализма, олицетворяемого Н.И.Субботиным и множеством «неименитых» сановных авторов, находит наиболее совершенное и глубокое воплощение.

В первую очередь это касается монографии А.К.Бороздина «Протопоп Аввакум. Очерки из истории умственной жизни русского общества». Изданная в 1900 году, эта книга явилась лучшим произведением светской исторической литературы о расколе, опирающимся на достижения научно-исследовательского направления государственно-православной историографии раскола XIX века.

Историк документально обоснованно подчеркивает ведущую роль Неронова в первые годы становления «староверия», а также достойное место в плеяде первых старообрядцев Спиридона Потемкина. Заслуживает А.К.Бороздина следует признать обнародование в открытой научной публикации конспективно изложенных «Слов на еретики», без которых идейные основы движения представляются трудно объяснимыми. Называя исследование именем Аввакума - несомненно центральной фигуры раскола в период его преобразования из локального течения духовной мысли в массовое общественно-религиозное движение, исследователь фактически отображает события церковной жизни эпохи, когда споры по вопросам религиозного обрядоведения обозначили поворотный момент, завершивший целый этап российской истории - истории Московского государства с единым по национально-этническим особенностям и вере народом.

В обзоре мнений о расколе в русской исторической литературе рубежа минувшего и нынешнего столетий определенное место уделено исследованию В.А.Мякотина «Протопоп Аввакум, его жизнь и деятельность». Написанная видным историком, общественным деятелем и одаренным мыслителем, к тому же обладающим совершенным литературным стилем, эта книга приобрела достаточную известность в среде исследователей и читателей. Его исследование в начальном разделе содержит, по определению самого автора, свод (заметим, далеко неполный) высказанных в литературе положений о происхождении раскола, а в основной части - главах I-VI - переизложение сочинений Аввакума, прежде всего «Жития». Ориентация автора на устаревшие положения «церковно-обличительной» науки в определении первопричин раскола не лишает, однако, работу В.А.Мякотина познавательного смысла, а отдельные положения и научно-ценностной значимости. Привлекает общая оценка ученым второй половины XVII века, определяемой как новый период и крутой перелом в «истории умственного развития страны». Монография заметно повлияла на формирование исторических знаний о расколе. «Протопоп Аввакум» В.А.Мякотина входит в число актуально значимых явлений отечественной культуры.

Третья глава - «Оппозиционные течения русской исторической мысли о расколе» - содержит три параграфа: «Н.И.Костомаров и его место в русской историографии раскола»; «Социально-политическая школа А.П.Щапова и ее традиции в культуре русской исторической мысли XIX - начала XX столетий»; «Раскол в понимании русских революционных демократов».

Композиция данной главы определена необходимостью дифференцированного рассмотрения взглядов на раскол того неоднородного явления русской научной мысли о нем, что схематично упрощенно долгое время расценивалось как «революционно-демократическая школа». Фактически это понятие не вполне правомерно объединяло две тенденции исследовательского подхода: с одной стороны, - систему собственно революционно-демократических взглядов на раскол как на реальную движущую силу предполагаемой крестьянской революции, а с другой, - социально-политические основы рассмотрения раскола - старообрядчества как радикально противогосударственного движения прошлого. Констатируется также особая культурно-историческая значимость славянофильских воззрений оппозиционного плана в национально-традиционалистских взглядах на раскол многих видных историков России. В их числе Н.И.Костомаров, которому посвящен первый параграф.

Основные позиции ученого в отношении старообрядчества предстают в концентрированном изложении на страницах монографии «История раскола у раскольников» (1871 г.). Эта работа оценивается в диссертации как попытка объективного научного исследования раскола, опережающая на 10-15 лет достижения духовно-академической науки, на 3-4 десятилетия - старообрядческой мысли. Н.И.Костомаров обосновывает свое понимание роли раскола в народной жизни как фактора умственного прогресса, вовлечения русского крестьянина в неведомую ему дотоле область умственного труда. В воззрениях ученого раскол предстал как новое явление духовной жизни народа, чуждое старой Руси.

Н.И.Костомаров лишь косвенно затрагивает историю первых десятилетий раскола, занимающую периферийное место в его исследовании, но отдельные положения и краткие замечания ученого вполне определенно раскрывают его позиции, характеризующие отношение к народным волнениям под лозунгом «старой веры» как форме социальных движений XVII века.

Первым оппозиционным проявлением раскола Н.И.Костомаров называет возмущение в Соловецком монастыре. Первопричиной его историк считает в основном недовольство властью, когда аргумент стояния за «старую веру» оказывался сопутствующим в ряду прочих, более существенных.

Отмеченная черта еще более определенно обнаруживается в обращении историка к событиям «Хованщины», изложенным в разделе «Царевна Софья» второго тома «Русской истории в жизнеописаниях ее важнейших деятелей». Лишь одной из вдохновляющих сил стрелецкого мятежа оказывается раскол, предстающий весомым, но не первичным фактором описываемых событий.

Течение «старой веры» хоть и рассматривается историком в ряду реальных компонентов осознанного сопротивления власти, но не выступает определяющим в социально-политических процессах.

Во втором параграфе рассматриваются положения работ А.П.Щапова и его последователей - историков, склонных видеть в истоках церковного раскола XVII века его социально-политические черты. Речь идет о трудах Н.Я.Аристова, В.И.Фармаковского, В.В.Андреева, И.И.Юзова (Каблица), А.С.Пругавина, С.П.Мельгунова и др.

Термин «социально-политическое» направление, вошедший в дореволюционную историографию раскола и используемый частью советских авторов, представляется наиболее уместным.

Теоретические основы этого направления были заложены еще в трудах А.П.Щапова «Великорусские области в смутное время» и «Общий взгляд на историю великорусского народа», где изложены основы его «земско-областной» теории, пронизывающей взгляды ученого на старообрядчество, полностью оформившиеся в работе над книгой «Земство и раскол» (1862 г.).

Социально-политическая сторона в учении А.П.Щапова выступает первичной в мировоззренческой основе содержания его трудов о расколе. Но при этом ученый нигде не доходит до выражения идеалов революционной демократии. Этот аспект в свое время был достоин должного внимания в работе Н.Я.Аристова «Жизнь А.П.Щапова», а также в рецензии на нее Г.В.Плеханова. Последний, в частности, убедительно раскрывает суть расхождений А.П.Щапова с Н.Г.Чернышевским в вопросе о государстве, что немаловажно - в 1862 году, когда в момент выхода очерка «Земства и раскол», А.П.Щапов предельно «радикален» в своих «революционно-демократических» воззрениях на русскую историю.

Нигде не склоняясь к идее социального переворота, А.П.Щапов считает непреодолимым противостояние народа, общины, земства государству со времени царствования Алексея Михайловича и видит в том социально-политические истоки движения раскола - старообрядчества.

В развитии данной позиции в исследовании старообрядчества весьма существенным оказался вклад Н.Я.Аристова и прежде всего монография «Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны». В расколе последней четверти XVII века Н.Я.Аристов видит факт существенного обострения противогосударственных тенденций. Усиление централизации, наступление государства на исконно народные права и свободы Н.Я.Аристов находит первопричиной массовых выступлений под лозунгом «старой веры», проклятия господствующей церкви и правительства. При этом в научно-политических и мировоззренческих установках Н.Я.Аристова особенно привлекательно выглядит его стремление к постижению позитивно-содержательного смысла старообрядчества, его идейно-нравственных и народно-просветительских начал.

Множество справедливых обобщений содержат взгляды на историю старообрядчества В.И.Фармаковского. В статье «О противогосударственной элементе в расколе», помещенной в журнале «Отечественные записки» (Т.169, 1866 г.), автор обнаруживает типичную для рассматриваемого направления позицию, что раскол изначально представлял событие чисто церковное, но с течением времени приобрел значение гражданское, вобрав в себя

противогосударственные черты. Первопричину формирования противогосударственного движения под флагом «старой веры», «старого обряда» исследователь видит в жестокостях репрессивной политики правительства по отношению к противникам церковных нововведений и в этом смысле несколько преувеличивает. Раскол несомненно имел позитивные духовно-нравственные основы поведения своих лидеров и идущих за ними масс, представляющих самые разнородные социальные слои.

Объективную оценку этих основ пытались дать многие исследователи, в ряду которых особое место принадлежит В.В.Андрееву. В книге «Раскол и его значение в народной русской истории: исторический очерк» (1870 г.) обстоятельно изложена целостная концепция раскола как движения, прямо выражающего интересы и умонастроения народно-крестьянской массы.

Продолжая традиции А.П.Щапова, В.В.Андреев доходит до прямого признания несостоятельности догматического, государственно-церковного направления.

Оригинальной выглядит версия первопричин превращения раскола в общенационально-русское явление. В.В.Андреев подчеркивает здесь действенность такого политического фактора, как давление на великорусскую церковь малороссийского духовенства, способствующее консолидации сторонников старорусской православной традиции.

Исследователь особо выделяет столь характерную в его представлении черту раскола, как разрастание и укрепление по мере усиления гонений со стороны властей, и, напротив, - ослабление, превращение в промышленную торговую общину в случаях попыток примирения с ним государства.

В целом историк весьма конкретен и категоричен в своей приверженности социально-политической трактовке раскола, что как нельзя более явственно раскрывает ее уязвимые стороны. Прежде всего это отсутствие даже попытки осмысления идейно-религиозной первоосновы старообрядчества, без чего избранный ракурс подхода к расколу как движению политическому, противогосударственному, лишь закамуфлированному религиозными лозунгами и несколько абстрактной идеей «стояния за старину», выглядит неясно в плане исходных причин и движущих факторов.

В 80-е годы социально-политическая версия вызвала как бы новую волну интереса. Развитие ее в дальнейшем, на протяжении 1890-х и двух десятилетий XX века, в том числе и в советской науке, обычно именовалось «народнической» или «либерально-народнической» школой, представленной именами И.И.Юзова, А.С.Пругавина, С.П.Мельгунова и других историков, якобы недооценивающих революционно-бунтарский элемент в расколе. Но по существу и в главном, как подчеркивается в диссертации, они разрабатывали основы концептуального анализа раскола, заложенные в работах А.П.Щапова, Н.Я.Аристов, В.И.Фармаковского, В.В.Андреева, С.В.Максимова и их современников - основоположников данной ветви русской науки и общественной мысли.

Следование традициям социально-политической школы обнаруживает работа И.И.Юзова (Каблица) «Русские диссиденты», по крайней мере, в той ее части, что посвящена анализу причин возникновения и распространения староверия. Автор четко отграничивает богословские первопричины раскола (не рассматриваемые подробно) и факторы его формирования как массового религиозного движения. Точнее, именно последние составляют предмет научного рассмотрения. В расколе И.И.Юзов усматривает прежде всего противодействие тем нормам жизни и актам государственной политики, что способствовали ущемлению народных прав и свобод. Подобные идеи пронизывают и статью того же автора (И.И.Юзова) «Политические воззрения староверия».

Верность традициям социально-политической школы очевидна уже в основополагающей идее автора, отрицающей известные в ту пору взгляды о несовместимости сугубо религиозной сути раскола с элементом социально-противогосударственным. В то же время И.И.Юзов связывает судьбу раскола с возможностью нормализации его отношений с государством, с изменением, улучшением народной жизни, целью чего в истории раскола выступали факты открытой борьбы с правительством. Недоценка же роли религиозного фактора в

старообрядчестве - то общее, что сближает позиции И.И.Юзова с более ранними явлениями социально-политического направления научного исследования раскола.

Примечательной страницей научной мысли о расколе, его истории и современности (второй половины XIX века) предстает наследие А.С.Пругавина. В рамках настоящего исследования особый интерес представляет его статья «Значение сектантства в русской научной жизни» («Русская мысль», 1881, кн.2). В духе традиций народно-демократического шестидесятничества и соответствующих положений работы А.П.Щапова «Земство и раскол», раскрывающих в расколе отстаивание демократического строя русской «дониконовой» церкви, А.С.Пругавин находит в реформе XVII века нарушение тех отношений, какие издавна существовали между народом и церковью. Исследователь видит в расколе уже не просто антифеодальное движение, «замаскированное» религиозными лозунгами, а проявление органичного единства религиозной и социально противогосударственной идеи.

В ряду последних примеров выражения традиции социально-политической школы в науке стоят исследования С.П.Мельгунова. В основе исторической оценки старообрядчества в работах С.П.Мельгунова лежит понимание его как духовного движения, объединяемого религиозной идеей, но обретающего порой формы прямого столкновения с властью в форме отдельных «всплесков» социальной борьбы. Последняя, однако, нигде не выходит на первый план, не выступает фактором первостепенной значимости в определении изначальной сути движения, как то имело место у А.П.Щапова и его ближайших последователей. Это касается, в частности, содержания очерков «Великий подвижник протопоп Аввакум», «Старообрядцы и свобода совести», «Москва и старая вера», «Старообрядчество и освободительное движение», «Религиозно-общественные движения XVII-XVIII веков в России».

В третьем параграфе рассматриваются взгляды русских революционных демократов, касающиеся вопросов истории старообрядчества в России. Ориентированные в своей деятельности на современные им задачи и возможные перспективы социального переустройства, они не оставили фундаментальных исторических исследований вопросов старообрядчества. Их взгляды на раскол XVII века подлежат рассмотрению лишь на основе обобщения отдельных, разрозненных высказываний.

А.И.Герцен, в частности, видел в расколе один из возможных факторов движения России к социализму, ибо основой такового представлялась крестьянская община - залог исторического развития народа. Прежде всего это могло относиться к раскольничьей общине. Подобная мысль высказана им в статье «Русский народ и социализм», где говорится, что принадлежность к расколу усиливало протест через общину.

Ошибочность в оценке старообрядчества как возможной опоры в борьбе с государственной властью, по-видимому, была столь же закономерной, как и несостоятельность надежд на саму возможность народно-крестьянской революции. И все-таки усилия лондонского «штаба» русской политической оппозиции оставили след в культуре исторической и общественной мысли. Попытка идеологов народной демократии вовлечь староверов в борьбу под лозунгами «Земли и воли» вызвала к жизни появление своеобразного периодического издания - журнала «Общее вече» (приложения к «Колоколу»). Основная роль, как известно, принадлежала Н.П.Огареву - редактору и автору большинства материалов.

Вышедшие в 1862-1864 годах 29 номеров «Общего веча», на первый взгляд, не достигли желаемой цели, не выполнили своей роли вовлечения старообрядчества в активную социальную борьбу, но имели реальное воздействие на процесс его политизации, полное отрицание которого представляется неправомерным.

Кроме того отдельные материалы «Общего веча», а также предшествующих ему четырех выпусков «Сборника правительственных сведений о раскольниках», составленных В.И.Кельсиевым (1860-1862 гг.), имеют несомненный познавательный смысл в изучении исторических взглядов лондонских представителей революционно-демократической мысли 60-х годов. «Сборник» предваряет зарождение одной из ведущих тенденций в изучении старообрядчества - подхода к расколу с позиции земско-областной теории, что на два года опережало выход книги А.П.Щапова «Земство и раскол». Движения «старой веры»

интерпретируются как выражение народных интересов, обусловленных особенностями социально-бытового уклада и противостоящих государству, его светской и церковной власти.

Позднее (в «Исповеди») В.И.Кельсиев отречется от подобных положений, поняв, что современный мир старообрядчества вовсе не тот, каким он был в XVII столетии. В начале же 60-х годов исследователь в формулировании своего понимания противогосударственной сути раскола на деле отражает лишь сложившуюся уже в полной мере мировоззренческую позицию революционно-демократической школы.

Позитивное понимание старообрядчества, его роли в российской истории и современности проявляли Н.А.Добролюбов и М.А.Антонович. Показательны в этом отношении статьи журнала «Современник» («Что иногда скрывается в либеральных фразах» упомянутых авторов, «Первые годы царствования Петра Великого...» Н.А.Добролюбова, «Материалы для истории простонародных суеверий», «Невежество раскольников» М.А.Антоновича и др.), в методологических основах которых очевидным оказывается стремление к экстраполяции исторического прошлого в движениях раскола на современность, а также избирательность в выборе разрабатываемых тем.

Особое значение обретает раскол в концепции видного революционера-народника и публициста Н.В.Шелгунова. Его взгляды на историческое значение раскола в прошлом и современности концентрированно изложены в статье «Русские идеалы. Герои и типы». В оценочных суждениях Н.В.Шелгунов всюду показывает свое отношение к расколу XVII века как факту, составившему основу устойчивого процесса русской жизни, главным образом, социальной истории. При этом искренняя увлеченность образами раскола и глубокое понимание его роли в событиях двухсотлетней давности не вызывает сомнений, но ощущается типичное отношение авторов народно-демократического толка к историческим аргументам лишь как к инструменту осмысления современных проблем. Раскол предстает движением преимущественно политическим, вдохновляемым идеей социального протеста и противостоящим внешнему вмешательству» в самостоятельность «русского развития».

Четвертая глава - «Церковный раскол XVII века в отечественной научно-исторической литературе послереволюционного периода» - содержит два параграфа: «Марксистская историография раскола от истоков до середины XX века» и «Церковный раскол и его отражение в отечественной исторической науке второй половины XX века».

В первом параграфе рассматриваются положения о расколе историков-марксистов первых послереволюционных лет - середины 50-х годов.

Предметом анализа оказываются труды М.Н.Покровского, Н.М.Никольского, А.А.Савича, В.Н.Бернадского, Л.Е.Анкудиновой, Н.А.Барсукова и др., где затрагивается или разрабатывается по сути один пласт проблем старообрядческих движений, касающийся их социально противогосударственной направленности. Методологической основой научного подхода стала версия раскола, изложенная в «Истории русской общественной мысли Г.В.Плеханова». При этом в основу высказываемых суждений советских авторов о расколе был положен лишь политико-оценочный элемент концепции Г.В.Плеханова. Раскол как идеологическая система, препятствующая осознанию народом своих истинных интересов - классовых, согласно определяющим постулатам марксизма - такова позиция, отстаиваемая Г.В.Плехановым, а затем ставшая смысловым фундаментом марксистской исследовательской литературы.

Наиболее ранним воплощением в ней подобных идей стали работы М.Н.Покровского. Так в вышедшем в 1917 году «Очерке истории русской культуры» ученый дает оценку раскола как формы классовой борьбы, как массового протеста против «неаскетической иерархии».

Оценка М.Н.Покровским раскола как особой сферы исторических явлений в концентрированном виде дана ученым в наиболее распространенном и широко известном труде «Русская история в самом сжатом очерке». Оставляя в стороне «частности» вроде книжно-обрядовых споров и личностных амбиций (столь «популярные» в дореволюционной литературе), историк ставит во главу угла вопрос земельной собственности и политического веса церковной иерархии.

Убедительность выдвинутых положений представляется не безусловной. Социально-исторический подход, предпочтительно первичный в ориентации на классовые «схемы» научного анализа, похоже, препятствуют объективному видению фактической предопределенности событий раскола аспектами внешней политики. Стремление царя к роли единодержавного правителя православных восточнославянских народов, а Никона - к главенству уже не в поместной, а во вселенской православной церкви, совпадали в помыслах о необходимости реформы, которая, таким образом, была предопределена единими в своей основе целями государства и церкви.

Приведенные доводы и уточнения не ставят под сомнение ряд далеко не устаревших положений М.Н.Покровского. Достойна углубленного изучения оценка раскольничьей общины как очага развития торгового капитала, а раскола в целом - как демократического движения, неспособного, однако, перерасти в демократическую революцию. В данном случае ученый придерживается тех постулатов марксистской историографии раскола, что сохраняют свою актуальную значимость в перспективе дальнейших научных исследований.

В ряде работ советских авторов в осмыслении наиболее заметных эпизодов массовых выступлений под знаменем раскола выделяется книга А.А.Савича «Соловецкая вотчина XV-XVII в.» (1927 г.), где содержится системный обзор взглядов историков по широкому спектру проблем становления и развития старообрядческого движения, свободный во многом от тенденциозности социально-классового, конфессионального или иного порядка. Эта книга остается редким примером обращения к расколу в исторической мысли советского времени с выраженной ориентацией на дореволюционные достижения русской науки о расколе.

Без преувеличения наиболее известным источником исходных данных в первичном ознакомлении с историей расколо-старообрядческого движения для многих поколений советских читателей, интересующихся событиями церковного размежевания середины XVII века, оказался соответствующий раздел трактата Н.М.Никольского «История русской церкви» (1931 г.). Видный исследователь церковно-исторических проблем Н.М.Никольский еще в дореволюционное время заявил о себе как автор работ, посвященных проблемам «никоновой» реформы и первоисточков старообрядчества. Уместно вспомнить его статью «Реформа Никона и происхождение раскола» в юбилейном издании «Три века», приуроченном к 300-летию дома Романовых.

Примечательно, что в трудах дореволюционного и советского времени историк обнаруживает неизменность своих взглядов и мировоззренческих оценок событий раскола. Неукоснительность марксистско-классовой методологии в «Истории русской церкви» (как и во всех источниках советской эпохи) обуславливает лишь углубленный подход к расколу как оппозиционному движению религиозно-общественного характера.

Сочетание гипертрофированно-классового подхода с глубоким пониманием достижений историко-культурного наследия в сфере русской историографии раскола еще более явственно проступает в кратком очерке известного автора того времени - В.Н.Бернадского «Раскол и его классовые корни». Автор совершенно справедливо отмечает, что «толчком к возникновению раскола послужило исправление церковных книг и обрядов». Констатация религиозно-обрядовой первопричины раскола привлекает объективизмом и пониманием существа проблемы. Еще более заслуживают положительной оценки утверждения автора, что реформа была задумана царем и патриархом. Немногие ученые дореволюционного периода видели царя Алексея Михайловича первым в формировании замысла так называемой «никоновой» реформы.

В целом же первые десятилетия советской власти, вплоть до Великой Отечественной войны, явственно характеризуются невысоким интересом к истории церкви вообще и к расколу в частности, о чем уже упоминалось выше. В довоенное время эта проблема нашла, в какой-то мере, отражение в рассмотренных нами трудах советских ученых-историков, базирующихся в значительной степени на сочинениях дореволюционного периода.

В послевоенный период мы наблюдаем безусловное повышение исследовательского интереса к вопросам отечественной истории, в том числе и к проблемам церковного раскола XVII века.

Одним из ранних исследований этого периода, ориентированных на глубокое изучение раскола, является диссертация Л.Е. Анкудиновой «Социально-политическая сущность религиозно-общественного движения в русском государстве третьей четверти XVII в.», датированная 1951 годом. Эта работа четко фиксирует тенденцию отрицания научной значимости исследований движений раскола в царской России, контраргументом чему может служить

содержание второй главы настоящего исследования. И все же диссертация Л.Е. Анкудиновой несомненно оставила след в отечественной науке советского времени уже фактом обращения к проблеме религиозно-общественных движений раскола. Защищенная в начале 50-х годов, она положила начало и отразила общую тенденцию возрастающего тогда интереса к проблемам церковного раскола в советской исторической науке.

Примером тому может служить брошюра Н.А. Барсукова «Соловецкое восстание». Изданная в 1954 году, она выдержана в духе того времени, когда классовый подход к анализу исторических явлений все еще носил гипертрофированный характер.

Содержание второго параграфа составляет рассмотрение положений трудов истории старообрядчества, издаваемых с середины 50-х годов. При безусловном сохранении системы социально-классовых критериев в оценках исторических явлений в этот период реально намечается канва нового, собственно-научного этапа в изучении исторического прошлого, включая религиозно-общественные движения эпохи раскола. Здесь уместно упомянуть раздел Н.С. Чаева «Церковный раскол и Соловецкое восстание» в «Очерках истории СССР - XVII век», издания 1955 года.

События истории первых десятилетий старообрядчества, равно как и политико-государственные первоисточки церковной реформы XVII века, позднее, уже в 60-е и последующие годы нашли достаточно широкое освещение или упоминание в трудах Н.А. Смирнова, В.И. Буганова, М.Н. Тихомирова, В.В. Мавродина, Н.И. Павленко, Н.Я. Фроянова, М.В. Степанова, Л.Н. Пушкарева, А.И. Клибанова, Л.В. Черепнина, А.Л. Шапира и др. Особого внимания заслуживают труды В.С. Румянцевой, Н.С. Гурьяновой, В.С. Шульгина, В.Г. Карцова, а также немногочисленные статьи сборников и разделы коллективных монографий, в которых история старообрядческих движений XVII века оказывается в центре научного рассмотрения. Заслуживает, в частности, внимания статья Н.С. Чаева и Н.В. Устюгова «Русская церковь в XVII в.», вышедшая в свет в 1961 году на страницах сборника «Русское государство в XVII веке». Ссылки в статье на книги «Патриарх Никон и его противники» и «Характер отношения России к православному Востоку» Н.Ф. Каптерева наряду с приведением множества фактов, изложенных в наилучших образцах духовно-академической науки, - все это могло представлять интерес для советского читателя начала 60-х. Отсутствие претензий на научное открытие в сочетании с несомненностью изложенных фактов и незыблемостью исходных социально-классовых установок, а также отсутствие здесь идеологических передержек, позволяет увидеть в статье истоки соответствующей тенденции советской исторической литературы.

В русле таковой, на наш взгляд, следует расценивать многие работы 70-80-х годов, в частности, пособие В.Г. Карцова «Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России», монографию В.С. Румянцевой «Народное антицерковное движение в России в XVII веке».

Безусловный научный интерес представляет объемный, во многом не устаревший и поныне труд В.И. Буганова «Московские восстания конца XVII века» (1969 г.). Далекое историческое прошлое предстает в нем уже не просто ареной борьбы власти и народа, но и ожесточенных схваток и противоречий, диктуемых эгоистическими стремлениями представителей различных социальных групп и семейно-династических образований в борьбе за высшее или более весомое место в структуре государственного правления. Обращаясь к событиям стрелецкого бунта 1682 года в той его стадии, что связана с «движением раскольников», В.И. Буганов как нельзя более четко расставляет акценты в соотношении стихии народного возмущения и его умелого использования ведущими политическими силами.

И все же надо подчеркнуть стабильно сохраняющуюся тенденцию советской исторической науки в понимании церковно-религиозных явлений как сугубо вторичных в духе

соответствующих марксистских положений. Примерами могут служить фрагменты исследований академика Л.В.Черепнина («Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков»), академика М.Н.Тихомирова («Классовая борьба в России XVII в.») и др. Типичным для советских монографических изданий по отечественной истории в многовековом диапазоне ее научного рассмотрения оказывается понимание раскола как изолированного явления, представляющего интерес лишь в узких временных рамках середины - второй половины XVII века.

Между тем роль старообрядчества в российской истории, культуре народной жизни привлекала внимание исследователей, получив отражение в трудах многих авторов - историков, литературоведов и политологов советской эпохи. Изучению текстов старообрядческих сочинений посвящены труды В.И.Мальшева, Е.М.Юхименко, Н.В.Понырко, Н.С.Демковой, М.Б.Плюхановой, Н.С.Гурьяновой, о которых шла речь выше. Но отдельные их положения рассматриваются и в данном разделе. В частности, это ряд трудов предыдущих лет Н.С.Гурьяновой, которые, помимо ценных для науки современных ее работ, раскрывающих глубокое понимание письменной культуры старообрядчества, оставили заметный след в марксистской историографии раскола. Речь идет о ее диссертационном исследовании «Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма», монографии с таким же названием, статье «Об отношении крестьян филипповского согласия к государственной власти» и др.

Суждения Н.С.Гурьяновой, высказанные на страницах упомянутых трудов 1980-х годов, прямо соотносятся с исследованиями В.С.Румянцевой того же времени. Особый интерес в их ряду имеет монография «Народное антицерковное движение в России в XVII веке». Она привлекает добротным историографическим обзором источников по проблеме истории становления старообрядчества и научной мысли о нем. Зарождение историографии старообрядчества в книге В.С.Румянцевой датируется концом 50-х годов XVII века. В диссертации подчеркивается особая значимость этого положения, соответствующего современному уровню научных знаний о расколе.

Достижения советской науки в изучении русской истории раскола в лице В.С.Румянцевой и Н.С.Гурьяновой, которые ассоциируются с позициями крупнейших научных школ Москвы и Новосибирска, дополняются трудами ленинградского ученого-исследователя истоков старообрядчества и идеологических основ движения - Н.Ю.Бубнова. Труды ученого, прежде всего диссертационные исследования - «Источники по истории формирования идеологии раннего старообрядчества» и «Старообрядческие книги в России во второй половине XVII в.» - предстают естественным продолжением традиций Петербургской - Ленинградской исторической школы, в значительной мере ориентированной в своих заключениях на старообрядческие источники. Концепция Н.Ю.Бубнова выделяется отчетливой ориентацией на методы литературоведческого анализа, основанного на источниках старообрядческой письменности. Этот принцип исследовательского подхода получил дальнейшее развитие в монографии «Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.» 1995 года.

И все же в преобладающей доле советских изданий о расколе продолжала доминировать тенденция рассмотрения его в рамках социально-политической истории России. Об этом свидетельствуют, в частности, труды В.С.Шульгина, В.Г.Карцова, А.И.Клибанова, содержание которых прокомментировано в книге Л.Н.Пушкарева «Общественно-политическая мысль России». Обладая множеством содержательных оценок и заключений, она привлекает прежде всего системностью подхода к расколу в широком социально-историческом контексте русской общественной мысли XVII века, отраженной в марксистской науке 60-80-х годов.

В ряду явлений исторической литературы этого периода особенно характерными выглядят труды В.С.Шульгина, который еще в середине 60-х годов обращается к письменным памятникам старообрядчества, справедливо отводя особое место письмам и посланиям Ивана Неронова 1650-х годов.

Исследователи советского времени существенно обогатили источниковедческую базу изучения старообрядчества. Показательна здесь изданная институтом Истории АН СССР в 1985 году книга «Изучение истории СССР в советской историографии дооктябрьского периода 1980-1984 гг.», которая как бы подводит итог советской историографии предперестроечной поры.

Данный сборник - исследование советской историографии и попытка ее систематизации и оценки ведущим учреждением страны в означенной области научных знаний - весьма показателен в плане фиксации интереса к расколу в аспекте историко-литературных проблем его изучения. Отмечается концентрация внимания ученых-литературоведов на памятниках литературы раннего старообрядчества. Особо выделена здесь группа работ Н.С.Демковой, Б.И.Краснобаева, Д.С.Лихачева, А.М.Панченко, Н.В.Понырко. Огромная их значимость в осмыслении историко-культурного контекста эпохи раскола несомненна, а сам факт упоминания в библиографическом обзоре исторических изысканий работ литературоведов отражал, по мнению диссертанта, рельефно оформившуюся тенденцию развития исторических знаний о расколе в отечественной науке.

Попытка оценить позиции русских историков в отношении истоков религиозно-общественных движений «старой веры» предполагала необходимость опоры на публикации старообрядческих текстов и документов, на результаты исследовательских заключений, полученные в недрах исторической мысли, археографии, литературоведения. Только синтез достижений данных областей науки мог быть принят методологической основой объективного понимания процесса духовного становления старообрядчества в России.

Примером такого синтеза представляются труды А.Т.Шашкова, В.С.Кузнецовой, Н.В.Понырко, Л.Е.Титовой и др. В русле подобной тенденции рассматривается и диссертационное исследование О.В.Чумичевой о Соловецком восстании, а также весьма примечательные установки А.М.Панченко, сформулированные в его предисловии к монографии А.И.Мазунина «Повесть о боярыне Морозовой», где ученый оценивает заключения А.И.Мазунина по содержанию знаменитого источника XVII века в качестве эталона достоверного воссоздания истории.

В целом в диссертации отмечается позитивный вклад исследователей гражданской истории послереволюционного периода. Их труды составляют, по убеждению автора, специфический пласт исследований старообрядчества как явления социально-политического характера, развивающегося в русле сдержанно трактованных религиозно-нравственных идей.

В заключении работы отмечается, что анализ и сопоставление взглядов ученых различных сфер гуманитарной науки, научных школ и направлений на явления церковного раскола XVII века в России позволили диссертанту сформулировать следующие выводы:

церковный раскол XVII века породил устойчивые процессы культурно-исторического развития, многие сферы взаимодействующих явлений религиозно-нравственного, социально-политического и духовно-просветительского плана, обобщаемых термином «старообрядчество»;

старообрядческое движение XVII века, явившееся ответной реакцией на реформирование обрядов и устоев русской церкви по «новогреческим» образцам и возникшее под лозунгом протеста против книжно-обрядовой реформы патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, имело в основе первопричин своего зарождения не только дух непримиримого отрицания нового, нарушающего привычный уклад жизни и церковного устройства, но и глубокие позитивно-нравственные начала «древлеправославной» традиции, неукоснительная приверженность которой придавала ему жизненную силу, неподвластную времени и попыткам власти и церкви «преодолеть раскол» то репрессивными, то либерально-примиренческими мерами;

три с половиной века существования старообрядчества дают обширный материал для уяснения его сути как отчетливой антитезы государственно-православной ветви религиозного сознания, но вместе с тем, неотъемлемой, дополняющей тенденции целостного процесса культурно-исторического развития России;

исторические истоки старообрядчества и события первых десятилетий его становления составили пласт проблем научно-исторической, философско-религиозной, социально-политической и художественно-критической мысли, а также литературы и искусства, где замкнутый в себе мир «старой веры» предстает весомым компонентом системы духовных ценностей;

«историософичность» старообрядческой проблематики в контексте явлений гуманитарной культуры предопределяет первичную значимость положений русской научно-исторической литературы в системе составляющих ее элементов в вопросах изучения явлений церковного раскола;

русское старообрядчество второй половины XVII века представляет собой достаточно широкое и многослойное по социальному составу религиозно-общественное движение, предопределившее специфическую сферу исторических явлений, в становлении научно-аналитического подхода к изучению которых необходимо рассматривать наличие трех ведущих тенденций - старообрядческой, социально-политической (выдвинутой школой А.П.Щапова и существенно переосмысленной позднее в трудах ученых-марксистов) и, наконец, государственно-церковной (включающей в себя труды авторов «обличительного» направления духовно-академической мысли, но прежде всего научно-исследовательской ее ветви);

отношение к старообрядчеству «официальной» России дореволюционного периода основывалось на позициях духовно-академической школы, сохранившей в преобладающей массе работ «обличительный» пафос первых идейных противников раскола, даже в исходных положениях не ориентированный на объективно-научное осмысление исторического существа вопроса;

анализ исследовательских изысканий советского времени позволяет констатировать относительно невысокий интерес историков к событиям церковного раскола XVII века, одноплановость его научного рассмотрения под углом зрения теории социально-классовой борьбы, но вместе с тем появление ряда ценнейших трудов, созданных с опорой на широкую источниковедческую базу, обширную историографию проблемы, способствующих углубленному пониманию проблем истории религиозно-общественных движений старообрядчества.

Лишь с учетом положений и объективных данных, разработанных или открытых в науке, во всем спектре упомянутых ее течений и тенденций, представляется правомерной интерпретация событий раскола в системе ценностей отечественной культуры.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Старообрядческое движение второй половины XVII века в русской научно-исторической литературе: Монография. - СПб.: С-ПГАК, 1997. - 15 п.л.
2. К вопросу о церковном расколе как культурно-историческом явлении // Духовность России: Традиции и современное состояние. - СПб.: С-ПГАК, 1995. - 0,5 п.л.
3. Русский старообрядческий раскол в оценке В.О.Ключевского // Ценностный мир русской культуры. - СПб.: С-ПГАК, 1995. - 0,5 п.л.
4. Историческая тема в оперном творчестве Н.А.Римского-Корсакова: Методическое пособие. - Л.: ЛГИК, 1989. - 1 п.л.
5. Проблема историзма в русской оперной критике второй половины XIX века // Актуальные проблемы современной музыкальной культуры. - Куйбышев: КГИК, 1989. - 0,2 п.л.
6. История русской музыки: Методическое пособие для иностранных студентов. - Л.: ЛГИК, 1990. - 1,2 п.л.
7. История русской музыки XIX - начала XX веков: Учебное пособие. - Ч. 1. - СПб.: С-ПГИК, 1993. - 3,3 п.л.
8. История русской музыки XIX - начала XX веков. Русская опера. - Ч. 2. - СПб.: С-ПГАК, 1994. - 3,2 п.л.
9. К проблеме отражения отечественной истории в оперном творчестве М.П.Мусоргского и Н.А.Римского-Корсакова // Культура. Творчество. Человек. - Самара: СГИК, 1990. - 0,2 п.л.
10. Михаил Дмитриевич Хмыров - историк XIX века // Персонажи российской истории (История и современность). - Т.3. - СПб.: С-ПГТУ, 1996. - 0,2 п.л.
11. Движение церковного раскола как фактор эволюции гражданского общества в России // Народы СНГ накануне третьего тысячелетия. - Т.3. - СПб.: «Петрополис», 1996. - 0,2 п.л.

12. Истоки русского старообрядчества: черты инациональных веяний и русского традиционализма в массовом религиозном сознании // Народы СНГ накануне третьего тысячелетия. - Т.4. - СПб.: «Петрополис», 1996. - 0,2 п.л.
13. Историческая мысль русского старообрядчества как явление отечественной культуры // Смыслы культуры. - СПб.: С-ПГПУ, 1996. - 0,2 п.л.
14. Вопросы веры и власти в России в преддверии эпохи великих преобразований // Интеграция гуманитарных наук и образования и их роль в реформировании России. - СПб.:СПбГУ,1997. - 0,2 п.л.
15. Философия культуры русского славянофильства: Некоторые черты, тенденции развития // Культура. Человек. Образование. - М.: МГУ, 1996. - 0,2 п.л.
16. Наследие русского старообрядчества в трудах петербургских ученых // Санкт-Петербург в истории русской культуры. - СПб.: С-ПГАК,1997. - 0,2 п.л.